

Антоновский Александр Юрьевич

**Коммуникация как эпистемологическая проблема:
от теории коммуникативных медиа к социальной философии
науки**

Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук

Работа выполнена в секторе социальной эпистемологии Института философии РАН

Научный консультант: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН Касавин Илья Теодорович

Официальные оппоненты:

Микешина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета

Порус Владимир Натанович, доктор философских наук, профессор школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Филатов Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой современных проблем философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Ведущая организация: Институт истории естествознания и техники РАН

Защита состоится «21» июня 2016 г. на заседании диссертационного совета Д.002.015.03 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. зал заседаний Ученого совета .

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (<http://www.iph.ras.ru/dissertations.htm>). Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

Труфанова Е.О. кандидат философских наук

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Интерес к рассмотрению коммуникации с теоретико-познавательной точки зрения связан, прежде всего, с чрезмерной *многозначностью*, а также с дисциплинарной *непроясненностью* самого понятия коммуникации. Кажется, нет такой гуманитарной дисциплины, которая не изучала бы коммуникацию. История, экономика, лингвистика, социология, литературоведение, социальная психология и социальная философия, этика и эстетика, философия языка и логика, – все эти дисциплины предлагают собственные реконструкции и формализации человеческого общения. Актуальность заявленной темы вытекает из потребности обрисовать общие рамки понятийной концептуализации этого феномена, что, очевидно, представляет общеполитологическую и эпистемологическую задачу. Такое универсальное понятие могло бы далее специфицироваться отдельными дисциплинами, выделяющими в нем свой собственный, уникальный аспект или предмет. При этом *эпистемологическая* интерпретация коммуникативных процессов выявляет как *редукционистское*, так и *универсалистское* понимание коммуникации. С одной стороны, мы имеем дело с узко-социологическими понятиями коммуникации¹, а с другой стороны – с чрезвычайно широкими обобщениями². Предложенное в работе понимание коммуникации как особого рода *когнитивного процесса* предоставляет возможность выхода за пределы Сциллы редукционизма и Харибды универсализма.

Особый интерес к исследованию именно современных типов коммуникации вытекает из того значения, которое приобретает *неудавшаяся коммуникация*. Последнее явление можно рассматривать как некоторую глобальную проблему современного общества, словно сотканного из коммуникативных границ: расовых, гендерных, возрастных, культурных, политических, религиозных, языковых и многих других. Трудности их преодоления, проистекающие отсюда непонимание и отклонения запросов на общение, не в последнюю очередь рассматриваются как причины социальных конфликтов, препятствий на пути трансляции и диффузии знания, фиаско программ по интеграции и социализации культурных меньшинств. Актуальность приобретает экспликация условий коммуникативного успеха и определение понятия успешной коммуникации. Этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд. Является ли сам факт коммуникации демонстрацией ее успешности? Или же коммуникация всегда носит подчиненный и, скорее, инструментальный характер, ориентированный на достижение некоторых внешних по отношению к самой коммуникации целей и задач, не может рассматриваться как нечто ценное само по себе. В этой связи важно прояснить не только понятие коммуникативного *успеха/фиаско*.

Однако основная актуальность связана с разработкой и экспликацией собственно *теоретико-познавательного содержания* коммуникации, что не в последнюю очередь предполагает реконструкцию коммуникативной проблемы в контексте истории философских, но, прежде всего, эпистемологических идей и концептов. И все же долгое время не представлялось очевидным, что коммуникация является эпистемологическим понятием и проблемой. Так в классических философских учениях (при всем том, что именно Аристотель дал именно «коммуникативное» определение человека как «говорящего животного») речь шла о сферах бытия, по-видимому, не включавших

---

¹ См. пример сужения сферы коммуникативного до бихевиористской модели общения, выступающей в лучшем случае в виде политологической эвристики и методологии: Lasswell H. Propaganda, communication and public order. Princeton. 1946.

² В этом случае понятие коммуникации может охватывать широчайшую сферу взаимодействий, включающих невербальные человеческие контакты, обмен данными восприятия у животных, трансляцию машинных данных, телепатию, и даже коммуникацию между грибами и растениями, клетками и митохондриями, генами и фенотипами.

коммуникационную сферу³. В этой связи именно философская концептуализация коммуникации позволяет в некотором смысле «спасти» и саму философию. Философия в ее исследованиях коммуникации словно возвращает *актуальность классическим философским проблемам* – (коммуникативному) пространству, (коммуникативному) времени, (социальной) каузальности, (коллективным) субъекту и объекту, наполняя их содержательными характеристиками и проверяя свои построения на опыте функционирования реального общества и общения.

К перечисленным выше вызовам, требующей эпистемологического анализа коммуникации, относятся и ряд совершенно новых обстоятельств, связанных с развитием ЭВМ и, как следствие, с появлением разного рода информационных и социальных сетей, что сделало возможным «нетрадиционные» вне-человеческие, вне-социальные и даже вне-смысловые типы трансляции коммуникаций. Речь идет о символических аспектах коммуникации между вычислительными машинами, о загадочном онтологическом и эпистемическом статусе программ и алгоритмов, которые кодируют и раскодируют осмысленные реакции на входящие сигналы, но очевидно не «переживают» и осознаются машинами (как некими аналогами сознания) в виде осмысленных ментальных актов.

Такого рода «общение», кроме того, очевидно не ориентировано на различие *известного и неизвестного*, на явным образом (т.е. материально) презентированного *знакового сообщения* и недоступного («скрытого» в черепной коробке) индивидуального смысла сообщения, – различия, которое всегда мотивировало, провоцировало и поддерживало человеческое общение. В этой связи актуальность приобретает вопрос о том, сделает ли машинная коммуникация возможным общение совсем иного рода, где закрытость чужого сознания перестанет быть главным вызовом и триггером коммуникативного акта, требующего новых и новых коннекций и образования коммуникативных систем.

В этом смысле, актуальность экспликации эпистемологического содержания понятия коммуникации оказывается сопряженным с несколькими аспектами человеческого познания. Во-первых, речь идет об определении адекватности *понимания* высказывания Другого, реконструкция которого затруднена (а может, и вовсе невозможна) в условиях недоступности чужого сознания. Во-вторых, проблема коммуникации связана с принципиально двойной целью любой коммуникации, ориентированной, с одной стороны, на интеграцию и достижение взаимопонимания и согласия, а с другой – на информационное описание предмета сообщения. В-третьих, коммуникация основана на важнейшем эпистемологическом различии *знание/незнание*, т.е. известности некоторой информации одному участнику коммуникации и ее неизвестности другому, что только и провоцирует образование коммуникативных систем и самых разнообразных форм социальности. В-четвертых, коммуникация, раздваиваясь на общение когнитивное и общение нормативное, тем не менее, в целом остается изоморфной процессу познания, поскольку всегда предстает *рациональным выбором* (и в этом смысле – *познанием*) между субъектным и объектным истолкованием того или иного сообщения, *рациональным выбором* между интерпретацией высказывания как нацеленного на поддержание сплоченности (сообщении об известном, удостоверении общности) и интерпретацией высказывания как нацеленного на сообщение о новом и неизвестном. Все перечисленные вызовы и контroversы и аспекты комплексного явления коммуникации требуют ее анализа именно в эпистемологическом ключе.

---

³ Так, классическое деление на три сферы сущего: теоретическую (математика, физика, метафизика), практическую (этика, политика), и поэтическую (поэзия, экономика), очевидно, не включает в себя особую область – область общения. См.: *Аристотель*. Метафизика. Книга VI, глава первая; Топика, книга VI, глава шестая.

Степень научной разработанности проблемы

Рассматривая разработанность и историю этого понятия, мы вынуждены различать две отдельные истории: историю термина, менявшего свои смыслы (история семантики), и историю самого понятия, не зафиксированного однозначно в виде термина, но выказывающего некоторую историческую содержательную инвариантность. Последнее предполагает наличие современного смысла слова в прошлых концептуализациях данного феномена и его воспроизводство. При этом рассмотрение такой эволюции смыслов, закрепленных синтаксически, в виде слова, вполне может предполагать работу с разными понятиями, объединенными лишь внешним образом. Если же будем рассматривать инвариантную семантику, воспроизводимый смысл, вербализируемый разными словами, то нам не удастся показать эволюцию. Мы попробуем совместить обе перспективы, и будем рассматривать меняющиеся смыслы слова «коммуникации» как отражающие трансформацию смыслов процесса фактической коммуникации.

В латинском языке выражение *communicatio* первоначально не являлось обозначением символического процесса, трансляции символов или смыслов от одного участника коммуникации к другому, как и не обозначало диалога, а, скорее, служило обозначением симуляции такого диалога, выступало риторического приемом, состоящим в обращении к гипотетическим соображениям фактически *не присутствующих* оппонентов или публики. При этом наличествовал и другой *не-диалогический* смысл: *communication* обозначало религиозное таинство причастия, но не являлось каким-то посланием, а удостоверяло принадлежность к религиозной общине, не подразумевавшую коммуникативного ответа.

В философский оборот в относительно явном виде это понятие (но не сам термин) входит благодаря Платону. В диалоге «Софист»⁴ под одноименной темой собственно и понимается некий вид рассуждений или «искусство убеждения», «искусство прекословия» и «искусство словопрения», свободное от предметности, но сосредоточенные на самих этих рассуждениях. И вытекающая отсюда убедительность рассуждений ставится под вопрос уже в силу самой этой убедительности, а скепсис и сомнение полагаются неотъемлемыми чертами любых развернутых рассуждений. Именно с этого диалога и берет свое начало так называемая «староевропейская традиция», избегающая подозрительных «софизмов», требующая обращения к «самим вещам» и как будто бы предполагающая некоторый доступ к последним в их независимости от их коммуникативного обсуждения.⁵ В этой традиции онтология получает очевидный приоритет перед эпистемологией, а слова и язык низводятся до всегда сомнительных и недостоверных средств реконструирования вещных характеристик⁶.

Современные (уже ставшие практически повседневными) смыслы понятия коммуникации – трансферта или физической передачи (света, электричества, тепла, сигналов и т.д.), а также взаимного обмена сообщениями возникает лишь в 19 веке. Однако в современный *философский* оборот термин «коммуникация» входит несколько позднее благодаря Лео Лёвенталю в его (позднее использованным Ю. Хабермасом) различении между «аутентичным» и «инструментальным» типами коммуникации, где «подлинная коммуникация влечет образование единства, обобществления внутреннего опыта»⁷.

⁴ Платон. Софист. 225 С. Особое место в данном диалоге среди иных искусств рассуждения отводится «искусству различать», как некоей метаспособности, лежащей в основе всех иных типов рассуждений.

⁵ Сам термин, как и концепцию преодоления – такой предметно-ориентированной - «староевропейской традиции» предложил Н. Луман. См.: *Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Suhrkamp. Bd. 1-5. 1994.*

⁶ Более подробно об этом: *Baecker D. Kommunikation. Reklam. 2005;* его же: *Form und Formen der Kommunikation. Suhrkamp. 2005.*

⁷ *Loewenthal L. Humanität und Kommunikation (1969) / Literatur und Massenkultur. Suhrkamp. 1980. S. 358.*

Такое философское понимание коммуникации как способа некоего «примирения» между Его и Другим поначалу резко контрастирует с возникающей в 40-х годах «коммуникативной теорией» (математической теорией передачи сигналов и информации), где коммуникация предстает в виде функционирования цепи из (деантропологизированных) звеньев: источника информации, трансмиттера-кодировщика сообщения, канала-медиума, ресивера (декодировщика сигнала), места назначения (дестинации)⁸. В таком «кибернетическом» понимании коммуникации, очевидно, размывается свойственная человеческому общению жесткая дистинкция *отправитель/получатель* с принципиально различными (у получателя и отправителя) *видами доступа* к информации, которую несет в себе сообщение. Позднее, в результате развития кибернетического понятия, обозначаются попытки применить его и к самому человеческому общению. Так, в кибернетической интерпретации коммуникации⁹ интерес от коммуницирующих полюсов (отправителя и получателя) постепенно смещается к *области медиа коммуникации, т.е. к самим каналам* распространения информации¹⁰.

Впрочем, эти два центральных подхода (интеграционно-коммуникативный и инструментально- или медиа-коммуникативный) не отменяют друг друга, а скорее, описывают две акцентуации одного и того же процесса. Смещение в область медиальной *инструментализации* общения, интерес к поиску алгоритмов автоматически достигаемого коммуникативного и деятельностного успеха может рассматриваться как негативная (но актуальная) характеристика в том числе и человеческой, а не исключительно машинной коммуникации. Такого рода критика инструментального разума, подразумевающего использование денег и административной власти в качестве коммуникативных медиа успеха была, как известно, осуществлена Ю. Хабермасом¹¹)

Эпистемологическое понимание коммуникации начинает разрабатываться сравнительно недавно. Ее исследование отчасти становилось реакцией на ряд теоретических и технических вызовов, в особенности на возникающие в 19 веке понятия «солипсизма» и «телепатии»¹², задающие крайние теоретические точки возможностей общения. Но, может быть, и большую роль сыграло изменение структуры и характера самого человеческого общения в 19 веке, когда *медиа-опосредованное или, иначе, инструментализованное* общение (печать, телеграф, телефон) начало в каком-то смысле «вытеснять» интерактивную коммуникацию *face-to-face*. Эти изменения в практике общения не оставались незамеченными и в литературной рефлексии. Имея ввиду вышеозначенные эпистемические дистинкции, Уильям Джеймс говорит о «великом расколе», как необходимой предпосылки процесса коммуникации¹³.

Господство «староевропейской традиции», в котором *предметное* измерение коммуникации явным образом доминировало над измерением *социальным*, сохранялось до языкового поворота в философии. Лишь в 20 веке язык получает центральную роль главного познавательного инструмента, что превращает коммуникацию в одну из

---

⁸ Shannon, Claude E. Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication*. Illinois. 1949.

⁹ См. важные работы в этой области: Foerster H. (Ed.) *Cybernetics of Cybernetics: The Control of Control and the Communication of Communication/Future Systems*, 1995; Hayles, N. K. *Boundary Disputes: Homeostasis, Reflexivity, and the Foundations of Cybernetics // Configurations*, 1994, № 3; Lasker, G E. (Ed.) *Applied Systems and Cybernetics*. Vol. II. New York. 1981; Günter G. *Cognition and Volition: a Contribution to a Cybernetic Theory of Subjectivity / Günter G. Beiträge zur Grundlegung einer operationsfähigen Dialektik*. Bd. 2.

Hamburg, 1979; Ashby, W. R. *An Introduction to Cybernetics*. London, 1956; Ashby W. R. *Requisite Variety and its Implications for the Control of Complex System // Cybernetica*, 1958, № 1.

¹⁰ Впрочем, такое смещение интереса от коммуницирующих полюсов к коммуникационной среде или полю произошло несколько ранее в психологии. См. известный доклад Фрица Хайдера «Вещь и Медиум», 1927. Heider F. *Ding und Medium*. Berlin. 2005.

¹¹ Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt/M. 1981.

¹² Myers F. H. W. *Human Personality and its Survival of Death*. London. 1903.

¹³ «Один великий раскол целостного универсума на две половины осуществляется каждым из нас; и для каждого из нас главный интерес привязан к одной из этих половин; но проводим эту разделительную разделение в разных местах. ... и мы называем эти половины одинаковыми именами «me» и «not me». James W. *Principles of Psychology*. Chicago. 1952. P. 187. Именно этот «раскол», как и мотив поисков средств по его преодолению, во многом, как мы увидим ниже, определяют всякую концептуализацию коммуникации.

ведущих философских и эпистемологических проблем. Так, в философии Людвиг Витгенштейна *предметное* измерение коммуникации оказывается «ограничено» языком¹⁴, и уже не может вырваться за *пределы сообщенного* в рамках человеческой коммуникации. То, что не может быть сообщено, проинтерпретировано другими и понято как смысл сказанного, в известном смысле, и не может получить статуса предмета (обсуждения).

Одновременно и в рамках *лингвистической* интерпретации коммуникации¹⁵ нащупывались решения ключевой коммуникативной проблемы: невозможность и одновременно необходимости «открыть» сознание Другого для обеспечения адекватных вербальных реакций на скрытые и поэтому всегда гипотетические смыслы посылаемых сообщений. Лингвисты Чарльз Огден и Айвор Ричардс, развивая идея Г.Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, попытались фактически (а не путем составления манифестов в стиле логического позитивизма) решить означенную проблему путем закрепления за словами предельно однозначных смыслов и жесткого разделения символического и эмоционального значений слов. Последнее позволило бы, с их точки зрения, придавать коммуникации однозначность и обеспечить достоверность интерпретаций отсылаемых сообщений. Благодаря их методу в коммуникации не пришлось бы выбирать между предметом сообщения («идет дождь») и тем, какая установка (намерение, надежда, опасение, удивление перед тем, что «идет дождь» и т.д.) мотивировала это высказывание и следовательно должна выступать его «непредметным» смыслом¹⁶. Ради такой «пурификации» общения был предложен универсальный базовый английский словарь, составленный из 850 слов. Средством достижения предметной однозначности становилось универсальное *согласие* в универсально разделяемых смыслах, что однозначно провозглашало приоритет *социального измерения* перед предметным. Все остальные употребления смыслов рассматривались как неаутентичные типы коммуникации.

Та же опасность «неаутентичности» коммуникации, но в ином аспекте, рассматривается М. Хайдеггером. При этом коммуникативное сообщение, согласно мыслителю, в принципе не может претендовать на вышеозначенное преодоление раскола между *Я* и *Другим*¹⁷, поскольку «событие речи» манифестирует *уже* состоявшуюся, но еще «не присвоенную» связь с Другими. Здесь особую важность приобретает понимание «сообщения» (поскольку «сообщение» открывает мир еще на уровне синтаксиса, т.е. до всякой интерпретации и анализа, т.н. «присвоения») как изначальное проявление согласия. Семантика, как обмен смыслами сообщений, и прагматика, как координация действий, не имеют большого значения в его понимании общения.

Подобно М. Хайдеггеру и Джон Дьюи (несколько ранее) сосредотачивает внимание на тех условиях, при которой современной коммуникации удается выходить за границы интерактивности в общения *face-to-face*. Компенсировать возникающий пространственно-временной разрыв должно образование, призванное универсализировать и сделать

---

¹⁴ В «Трактате» мир интерпретируется как «все, что выпадает» («Die Welt ist alles, was der Fall ist») таким или иным образом, как подброшенная вверх монета «выпадает» орлом или решкой, - что ограничивает ее бытие двумя возможными мирами. Так, и мир в его предметном измерении оказывается ограниченным двумя логическими (= языковыми) возможностями – быть таким или другим, но фактически он в каждом случае *уже* этих возможностей. В этом смысле языковые формы получают собственное и самостоятельное значение в сравнении с миром. Ту же мысль, но с лингвистической точки зрения выражает и Ф. де Соссюр.

¹⁵ Для наших целей особенно важной стала работа Елены Еспозито (*Esposito E. Two-sided Forms in Language. Stanford 1999.*) Автор, применив так называемые «законы формы» Дж. Спенсера-Брауна, ввела важные лингвистические различия: *индикации/дистинкции* (как инструмента наблюдения), сопоставив ее с коммуникативным различием *самореференции/инореференции*. См. об этом также см.: Ваеккер Д. (ed.). *The problem of form. Stanford, 1999.* Другие работы в области лингвистической интерпретации коммуникации: Остин Дж. Как производить действия при помощи слов /У Остин Дж. Избранное. М., 1999]. Куайн У. Слово и объект. М., 2001. *Martinet A. Elements of general linguistics. Chicago. 1982.* Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2006. *Куслий П.С. Аспекты внутреннего мира и семантика естественного языка // Эпистемология и философия науки. 2014, № 4.*

¹⁶ *Ogden C. K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. New York. 1923.*

¹⁷ «Сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживаний, например мнений и желаний, из глубин одного субъекта в глубины другого. Соприсутствие по сути уже очевидно в сонстраенности и в сопонимании. Событие в речи «выражено» разделяется, т.е. оно уже есть, неразделенное только как не схваченное и присвоенное». *Хайдеггер М. Бытие и время. М. 1997. С. 57.*

общими «опыт» (а позднее – «культуру») и тем самым – восстановить утрачиваемую в ходе коммуникативной инструментализации «непосредственную общность опыта» Его и Другого.¹⁸ Но, как и Хайдеггеру, это единение других видится ему не на семантическом уровне смыслов, локализованных в психике и мышлении индивидов, а в самом – объективно данном – языке, смыслы слов которого нужно понимать не как «частную собственность», а как «методы действий» и «способы использования вещей»¹⁹

Близкий идеям прагматизма Дж. Г. Мид, в свою очередь, попытался решить проблемы «замкнутости» сознания Другого как главного препятствия трансляции смысла. В его концепции эту роль посредника берет на себя «вещь». Вещи выступают, таким образом, *живыми* партнерами людей, и только поэтому с ними можно контактировать *как с людьми*. Условия общения и контакта с предметами интерпретируются как более глубокие и предпосланные собственно контакту и коммуникации людей друг с другом, причем еще до образования у него способности дифференцировать внешний мир на живое и неживое, социальное и психическое. «Примеривание на себя» роли вещи выступало у Мида условием обособления человека как предметного и живого существа, отличного от всех остальных живых существ и вещей. Ведь именно вещь выступала самым общим носителем суммы ролей – устойчивых и предвосхищаемых типов поведения. Благодаря вещи человек научился определять себя через другое, и лишь впоследствии и именно благодаря этому возникает возможность контактов с некоторым другим индивидом, «обобщенным Другим», общностью или коллективом.²⁰

В рамках этой ветви интерпретации коммуникации следует рассматривать так называемую «философию диалога», традиционно связываемую с именами М. Бубера (выстраивающего «онтологию диалога» на теологическом фундаменте)²¹, Э. Левинаса (рассматривающего «диалог» с Другим как некую «трансцендентальную форму», удостоверяющую мысленную идентичность Я²²). Философский диалогизм получает разработанную форму в идеи полифоничности М. Бахтина, конкретно проявляющихся в в таких свойствах диалога как симфония, множественная полярность, двухголосность слова и в этой форме синтеза Я и Другого образуют некое *Со-бытие*, полагаемое им в основание структуры бытия²³. Особенно интересны в этой связи предложенные Бахтиным возможности историко-эмпирической интерпретации его общей схемы применительно к историческим типам культуры, где Я и Другой предстают в различных конstellациях. Свои версии философии диалога развивают Ф. Розенцвейг²⁴, Ф. Эбнер²⁵, О. Розеншток-Хюсси²⁶, В.С. Библер²⁷.

В *социологической концептуализации* коммуникации проблема замкнутости сознания и невозможности реконструкции смысла посылаемого сообщения становится конститутивной проблемой самой социальной теории. Так, в «философии жизни» Георга

¹⁸ «Неистовый поиск того, что могло бы заполнить пустоту, образованную ослаблением уз, удерживающих людей вместе в непосредственной общности опыта». Дьюи Дж. Общество и его проблемы. Москва. 2002. С. 156.

¹⁹ «Солилоквий – продукт и отражение общения с другими; ... коммуникация – это не эффект солилоквия». Dewey J. Experience and Nature. Chicago. 1925. P. 135.

²⁰ Mead G. H. The Objective Reality of Perspectives / Proceedings of the Sixth International Congress of Philosophy. New York. 1926. P. 75-85. Мид Дж. Г. Разум, Я и общество (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки (отечественная и зарубежная литература). РЖ, «Социология». 1997. № 4; Мид Дж. Г. Социальное сознание и сознание смысла. Перевод с англ. Р.Э. Бараш//Эпистемология и философия науки. М. 2013, № 1., С. 219 -227

²¹ Бубер М. Я и Ты.

²² Левинас, Э. Путь к Другому. СПб. 2007.

²³ Бахтин М.М. Слово в романе / Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.1979.

²⁴ Идея Розенцвейга в том, что диалог должен выстраиваться на основании некоего «нового мышления» (основанного не на абстракциях), а определяемого конкретной речью в конкретный момент времени: Der Mensch und sein Werk. Gesammelte Schriften. Stuttgart, 1984;

²⁵ Концепцию так называемой «пневматологии души» см.: Ebner F. Das Wort und die geistige Realitat, Gesammelte Werke, Bd 1. Wien, 1952

²⁶ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М. 1994

²⁷ Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989, № 6.

Зиммеля коммуникация предстает как круговое взаимодействие, как переход действия (Tun) в переживания (Leiden), как каузальные воздействия тех или иных *социальных форм* (например, формы брака) на соответствующие *переживания* (в данном случае, на чувства любви и привязанности). Проблема замкнутости сознания и исключительно индивидуального доступа к смыслам сказанного раскрывается через устойчивые и воспроизводимые корреляции чувств и коммуникаций (переживания прекрасного – социальная форма искусства – переживания прекрасного; переживание сакрального – социальная форма религии – переживание сакрального)²⁸.

В перспективе *феноменологической социологии* проблема коммуникации предстает несколько шире, выходя за пределы проблемы асимметричности доступа у коммуницирующих к смыслу сказанного. Проблема коммуникации усматривается, во-первых, в асимметричности *временных перспектив* пытающихся понять друг друга коммуникантов. Высказывающийся исходит из некоторой, локализованной в некотором будущем цели своего спича (in-order-to-communication). Напротив, интерпретатор коммуникативного акта исходит из некоторого «отложенного в прошлом» знания Другого, используемых им символов (because-of-communication). При этом временная рассинхронизация в понимании (однозначного по своей форме сообщения) дополняется указанием на принципиальную невозможность удостовериться в субъективном (индивидуальном, и даже идеосинкразийном) или же, напротив, объективном (универсальном, общепризнанном) использовании знаков²⁹. Ведь понимающий Ego все-таки всегда со-учитывает следующее обстоятельство: то, что в высказывании Другого представляется как *определенное прошлым, коллективным, объективным (воспитанием, образованием, социальной принадлежностью)*, с точки зрения самого Другого определяется его свободным индивидуально-поставленным замыслом. Кроме того, коммуникативная проблема возникает в процессе понимания еще и в силу того, что за знаком кроется не только значение, но и намерение, желание мотивировать или эмоция. Тем не менее, коммуникативное понимание возможно и без введения фикции «эмпатии». Оно обеспечивается пространственно-временной и личностно-коллективной *регионализацией сфер жизненного мира*, относительно *единообразно дифференцирующихся* у всех участников коммуникации.

В рефлексии *социологического функционализма*³⁰ утрачивает свое значение обсуждаемая выше ключевая проблема коммуникации – *асимметричность* доступа к смыслам высказываний у Ego и Другого. Коммуникация (впрочем, как и сам коммуницирующий человек-действитель) теперь рассматривается как *условие* некоторого *деантропологизированного* события – действия. Некоммуницируемыми основаниями действий должны были выступить некоторые структурные предпосылки коммуникации, прежде всего, ценностная или моральная основа общения, стандарты, нормы, идеалы. В этом случае функция коммуницирующего человека как одного из условий действия и коммуникации низводится до функций восприятия и способности зафиксировать завершенность действия в виде удовлетворенности от целереализации. Рациональность коммуникации и действия отныне определялось, не разумом человека (актора), а функционально, т.е. тем, насколько действие отвечало базовым условиям или предпосылкам – адаптации, воспроизводству паттернов культуры, интеграции, удовлетворению от целедостижения.

²⁸ Simmel G. Grundfragen der Soziologie. Berlin. 1970.

²⁹ Schuetz A. The Phenomenology of the Social World. Northwestern University Press. 1967.

³⁰ Parsons T. The Social System. Routledge. 1951. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990.

Coulman J. Social Theory, Social Research, a Theory of Action // American journal of Sociology. 1986. № 91. P. 1322.

Parsons T. Structure of social action: a study in social theory... Ney York. 1937. P. 732.

Parsons T. The Social System. Glencoe. 1951. P. 24-104.

Parsons T., Smelser N.L. Economy and Society. London. 1956.

Parsons T, Shils E.A. Toward a General Theory of Action. Harvard University Press. 1951. p. 76-88.

Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Suhrkamp. 1996.

Луман Н. Общество общества. М.Логос. 2011. С. 358.

Не лишенный компилятивности и при этом оппонирующий функционализму подход Ю. Хабермаса³¹ превращает понятие коммуникации в универсальную характеристику социальной реальности, представленную в понятиях *коммуникативной рациональности*³², *коммуникативного действия*, *коммуникативной системы* (общества) и *понятии жизненного мира*. Коммуникативное действие, направленное на достижение понимания, противопоставляется инструментальному или целерациональному действию, ориентированному телеологически. Однако и языковое понимание в данном подходе тоже требует рационализации, причем даже в большей степени, чем этого требовало отношение цели и средства. Рационально коммуницирующие индивиды не должны использовать перлокутивные эффекты выражений (т.е. требования подчиниться воле говорящего), что, впрочем, не означает отказа от обоснования и критики. Понятие рациональной коммуникации приближает ее к стандартному пониманию знания (суммы истинных и обоснованных убеждений), лишь добавляя к нему признак *понятности*. Ведь коммуникативная рациональность покоится на четырех (аналогичных понятию знания) основаниях: понятность, объективная истинность, нормативная правильность и субъективная истинность (= убежденность). Идеальная рациональная коммуникация Ю. Хабермаса воспроизводит идеальную ситуацию научного обсуждения (с равными шансами на участие и на право инициировать обсуждения, на признание интерпретаций и аргументаций, на свободу от административного произвола и отказом от симуляции речевых интенций). Собственно, такого рода рациональный «коммуникативный разум», по Хабермасу, и должен определять «рациональное коммуникативное» действие, высвобождающееся таким образом от воздействий «чуждых» медиа власти и денег, управляющих инструментально-ориентированными системами «хозяйства» и «администрирования».

Конструктивистское обращение к коммуникации³³ имеет глубокие корни и восходит к идеям стоиков с их различием *techne-arete/sofia*. Последнее предполагало различие пропозиционального, информативного или рефлексивного знания (*знания-что*) и нерефлексивного деятельного знания-умения (*знания-как*). Что делало возможным сохранение рациональности (в рамках знания-умения) как своего рода убежища в условиях сомнений, парадоксов и противоречий, характерных для знания рефлексивного. Также и в целом для конструктивистского понимания коммуникации характерна переориентация интереса к тому, *как* осуществляется и как генерируется (конструируется) коммуникация, с вопроса о том, *что* является ее темой или предметом.

Отсюда же проистекает т.н. «онтогенетическая» интерпретация становления когнитивных и коммуникативных способностей. С точки зрения Ж. Пиаже, именно в самой коммуникации осуществляется конструктивный «фундаментальный процесс познания» путем «децентрации субъективных иллюзий», благодаря чему «субъект получает возможность занимать позиции других людей или самих объектов»³⁴.

Пиажеанец и лингвист Эрнст фон Глазерсфельд³⁵ и физик, психолог и математик из иллинойского университета Хайнц фон Ферстер³⁶, биологи Франциско Варела и Умберто Матурана³⁷ расширяют понятие коммуникации, выводя его за пределы узкой зависимости между языком и сознанием. В итоге формулируются широкое – т.н. конструктивистское – понимание познания, фактически сведенное к процессу *наблюдения*. Правда, при этом и

³¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.

³² Антоновский А. Ю. Коммуникативная рациональность – внешняя и внутренняя // Эпистемология и Философия науки. 2008. Т. XVII. № 3; Смирнова Н.М. Коммуникативная рациональность и жизненный мир человека // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVII. № 3

³³ См. конструктивистские интерпретации коммуникации: Luhmann N. Das Erkenntnisprogramm des Konstruktivismus und die unbekannt bleibende Realität // Soziologische Aufklärung. Bd. 5: Konstruktivistische Perspektiven. Westdeutscher Verlag, 1991.

³⁴ Пиаже Ж. О механизмах ассимиляции и аккомодации // Психологическая наука и образование. 1998 № 1. С. 22-26.

³⁵ Glasersfeld E. v. Radical constructivism. A Way of Knowing and learning. Routledge. 1996.

³⁶ Foerster H. v. Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition. Springer. 2002.

³⁷ Varela F., Maturana H. Ethical Know-How: Action, Wisdom, and Cognition. Stanford. 1999.

наблюдение понимается более широко, чем обычно: оно может осуществляться не только в рамках коммуникации и когнитивных процессов (индивидуального человеческого восприятия и мышления), но и проявляться в «поведении» самого разного вида: биологических систем (клетки, организмы и их органы), мозга, сознания, культуры, общества, машин и т.д. Там, где осуществляются различия между предметом тех или иных операций и самим агентом операций, там и имеет место – пусть самое примитивное и зачаточное – познание и примитивная самость («minimal self» - Д. Деннет). Самость оказывается следствием (само)наблюдения как процесса *обозначения* вследствие тех или иных *различений*. Очевидно, что в этом смысле и коммуникация всегда представляет собой наблюдение, поскольку одна тема обсуждения выбирается как ведущая, а все остальное отклоняется или потенциализируется. И сама коммуникация предстает в виде некоторого наблюдателя³⁸, осуществляющего различение между предметом обсуждения и самим обсуждением³⁹.

Отдельно следует сказать о работах в области эпистемологии коммуникации в России, где эпистемология коммуникации, как правило, разрабатывается как ее социально-эпистемологическая интерпретация (работы И.Т. Касавина, Л.А.Марковой)⁴⁰, как эпистемология языка (Касавин И.Т., Вострикова Е.В., Куслий П.С., Мамчур Е.А.)⁴¹. Проблема коммуникация рассматривается в рамках дискуссии между конструктивизмом и реализмом (работы Лекторского В.А.)⁴². Эпистемический анализ коммуникации осуществляется в исследованиях в области STS (Столярова О.Е.)⁴³, синергетики (работы Аршинова В.И., Киященко Л.П., Герасимовой И.А., Буданова В.Г.)⁴⁴, в рассмотрении и разработке понятия социальных технологий (работы Лекторского В.А.⁴⁵, Касавина И.Т., Юдина Б.Г.⁴⁶), этико-коммуникативных исследований (Горохов В.Г., Аршинова В.И.)⁴⁷ В этом же контексте требуют упоминания и труды по определению *смысла* и *значения* как ключевых коммуникативных категорий и оснований логической структуры коммуникации (работы Никифорова А.Л., Васюкова В.Л. Куслия П.С., Востриковой Е.В.)⁴⁸.

Итак, подводя итоги нашего краткого исторического обзора разработки понятия коммуникации, можно сделать вывод об исключительной сложности и

---

³⁸ Подробнее о коммуникационных системах как наблюдателях см.: *Луман Н.* Общество как социальная система. М. Логос. 2004.

³⁹ В России конструктивистскому подходу традиционно уделяют внимание многие философы: *Касавин И. Т.* Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы//Эпистемология и философия науки. 2008. № 1; *Филатов В. П., Касавин И. Т., Антоновский А. Ю., Рузавин Г. И.* Обсуждаем статьи о конструктивизме//Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 142-156

⁴⁰ *Social Epistemology, Interdisciplinarity and Context. A Discussion by Ilya Kasavin, Tom Rockmore and Evgeny Vlinov*//Эпистемология и философия науки. 2013. № 3. С. 57-76., *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы//Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. №1. С. 5-15; *Филатов В.П.* Социальная эпистемология и национальный образ науки//Эпистемология и философия науки. 2007. № 4. С. 59-62. *Мамчур, Е.А.* Ещё раз о предмете социальной эпистемологии//Е.А. Мамчур//Эпистемология & философия науки. 2010.Т. XXIV. № 2.С. 44-53.

⁴¹ *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. Замысел книги//Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 19, №1. С. 53-56; *Мамчур Е.А.* Социальная эпистемология или социология языка// Эпистемология и философия науки. 2009, № 1. С. 61-64.

⁴² *Лекторский В.А.* Конструктивизм vs. Реализм // Эпистемология и философия науки. 2015, № 1.

⁴³ *Касавин И.Т.* STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация?//Эпистемология и философия науки. 2014. № 1. С. 5-17; *Столярова О. А.* Исторический контекст науки: материальная культура и онтологии//Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXX. № 4. С. 32-50

⁴⁴ *Буданов В.Г., Герасимова И.А.* Квантовая теория и проблема сознания (перспектива междисциплинарного сотрудничества)//Эпистемология и философия науки. 2005. № 4. С. 204-222

⁴⁵ *Лекторский В. А.* Рациональность, социальные технологии и судьба человека//Эпистемология и философия науки. 2011. №3. С. 35-48. *Лекторский В.А.* О проблеме знания//Эпистемология и философия науки. 2009. №3. Т. XXI. 74-76 с.

⁴⁶ *Юдин Б.Г.* Социальные технологии, их производство и потребление//Эпистемология и философия науки. 2012. Вып. XXXI. № 1. С. 55-64.

⁴⁷ *Аршинов В.И.* Нанозтика -конвергенция этических проблем современных технологий или пролегомены к постчеловеческому будущему?//В.И. Аршинов, В.Б.Горохов, В.В. Чеклецов//Эпистемология и философия науки. 2009. № 2

⁴⁸ *Никифоров А.Л., Антоновский А.Ю., Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ / Отв. ред.: А.Ю.Антоновский, А.Л.Никифоров. - М., 2013; *Васюков В.Л.* Смысл и коммуникация // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 53-56.

мультидисциплинарном характере этого явления, данного нам в процессе его непрерывного эволюционирования и предстающего в виде сложнейшего комплекса перетекающих друг в друга типов активности, главные из которых мы можем перечислить. Речь, прежде всего, идет о:

- выражении (религиозной и др.) причастности; риторическом смысле коммуникации;
- поиске и фиксации взаимно-недоступных смыслов и значений;
- феноменологическом опыте взаимопонимания через удостоверение общей пространственно-временной регионализации жизненного мира участников коммуникации;
- кибернетике, инструментально и медиа-опосредованных потоках и каналах информации;
- психологических поисках оснований коммуникативно-ролевого поведения;
- функционально-социологического понимания коммуникации как ретранслятора культуры и традиции;
- коммуникации как полифоничном диалоге людей и культур;
- коммуникации как особом типе наблюдения (типе наблюдателя), несводимом к психическим наблюдательным возможностям индивидуального сознания.

Объект исследования

Объектом исследования является теория коммуникаций, но не во всем ее широчайшем формате, а в ее социально-эпистемологическом аспекте. При этом особое внимание уделяется когнитивным условиям общения – генерализированным символическим медиа коммуникации. К их числу мы относим как универсальные средства *распространения коммуникации* (язык, письменность, печать и телекоммуникацию), так и символические средства достижения *коммуникативного успеха* в специфических областях коммуникации (истину, знание, власть, веру, деньги и т.д.). При этом коммуникация как объект научного исследования существенно отличается от «стандартных» предметов научного теоретизирования – движущихся тел в физике, эквивалентно развивающихся организмов в биологии, трансформаций атомно-молекулярных связей в химии с точки зрения ее «измерительных процедур» в пространстве и времени. Для ограничения объектных рамок исследования мы дополнительно к социальному пространству и социальному времени вводим специальное *коллективно-личностное измерение* коммуникации, позволяющее учесть ее специфические значения, которые мы называем «социальными каузациями». В рамках этого измерения действиям, высказываниям, коммуникациям и социально значимым событиями приписываются самые разные типы «авторства» как их специфические причины.

Предмет исследования

Предметом исследования является социально-коммуникативное содержание важнейших эпистемических процессов и соответствующих понятий: истины, знания, понимания. Эти понятия рассматриваются как обобщающие и мотивирующие символические средства, позволяющие обособиться особому типу коммуникации, ориентированному на эти символы. Речь, прежде всего, идет о научной коммуникации, которая рассматривается как двояко-детерминированная: т.е., с одной стороны, определяется предметом научного интереса, прежде всего, актуальными научными проблемами (предметное измерение), но, с другой стороны, мотивирована структурными свойствами самой коммуникации, т.е. требованиями, предъявляемыми к научным сообщениям, к процессам извлечения информации из таковых сообщений, к их пониманию и объяснению).

Цели исследования

Экспликация социально-коммуникативного содержания классических понятий теории познания.

Выявление закономерностей, связывающих структуру научной коммуникации, научное знание с функционально-дифференцированной структурой общества и коммуникации.

Рассмотрение и определение коммуникации как фундаментального когнитивного процесса.

Задачи исследования

1. Разработка оснований теории коммуникации в ее эпистемологической интерпретации.

2. Реконструкция эволюции структур коммуникации, экспликация типологии видов и средств коммуникации.

3. Сравнительное исследование структуры коммуникации и структуры познавательной активности.

4. Разработка понятия коммуникативных контекстов или измерений коммуникации, в которых всякий коммуникативный акт может получать и определять свое значение или смысл.

5. Анализ научного знания на предмет наличия в нем свойств, характеризующий «естественные», «родовые» свойства человеческого общения (понимание, объяснение коммуникативных сообщений)

6. Сравнение научных и общекоммуникативных свойств понимания и объяснения

7. Анализ проблемы уровней социально-коммуникативного познания в сопоставлении с решением аналогичной проблемы в развитых (физических) теориях.

Методы

В исследовании применены следующие методы и теоретические подходы:

- методы и подходы общей теории коммуникативных систем, социальных систем и психических систем⁴⁹;
- методы и подходы общей теории социальных систем, применяемых в анализе систем интеракций, систем организаций и функциональных систем⁵⁰;
- логико-дедуктивные методы формализации процессов наблюдения и коммуникации;⁵¹
- методология и подходы кибернетики второго порядка, применяемая для анализа процессов коммуникативного понимания⁵²
- методы и подходы конструктивистской психологии и лингвистики⁵³
- методы и подходы неodarвинистской эволюционной теории (синтетической теории эволюции), применяемые к анализу общества⁵⁴

⁴⁹ Morin E. La Methode. 1977. Moigne J.-L. La theorie du systeme general: theorie de la modelisation. Paris, 1977; E. von Weizsacker. Offene Systeme: Beitrage zur Zellstruktur von Information, Entropie und Evolution / Stuttgart, 1974; Roth G. Biological Systems Theory and the Problem of Reductionism // Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach. Berlin 1990

⁵⁰ Kuhn A. The Logic of Social Systems: A Unified, Deductive, System-Based Approach to Sozial Science. San Francisco, 1974; E. A. von der Stein. Der Systembegriff in seiner geschichtlichen Entwicklung // System und Klassifikation in Wissenschaft. 1968; Eugene J. Aspects de la theorie generale des systemes: Une recherche des universaux. Paris. 1981; Луман Н. Социальные системы. СПб. 2007.

⁵¹ Spencer-Brown G. Laws of Form. New York. 1979.

⁵² Foerster H. v. Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition. New York 2010.

⁵³ Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000. E. von Glasersfeld. Construction of Knowledge. Princeton. 1987.

⁵⁴ Докинз Р.. Эгоистичный ген. М. 1993.

Научная новизна, теоретическая значимость диссертации.

1. Новизна исследования состоит в преодолении методологической и дисциплинарной обособленности теории коммуникации. Современные теоретические концептуализации коммуникативной теории, как правило, основываются на внутридисциплинарных разработках, достижениях социально-гуманитарных дисциплин (социологии, экономики, социальной психологии, лингвистики, историко-этнологических исследований) и не всегда учитывают принцип единства научного знания и универсальности критериев научного познания. Реализация этого принципа потребовала радикального расширения понимания коммуникации, вывода этого понятия за пределы сферы языка и речевых актов. В связи с этим в исследовании формулируется широкое – эпистемологическое, конструктивистское – понимание коммуникации, допускающее интерпретацию последней как формы познания.

2. Выявление теоретико-познавательного содержания коммуникации связывается в работе со следующими аспектами познания, делающими возможным новое и расширенное понятие коммуникации со ниже перечисленными теоретико-познавательными характеристиками:

Во-первых, речь идет о ключевой проблеме адекватного *понимания* высказывания Другого, реконструкция которого затруднена в условиях недоступности чужого сознания.

Во-вторых, проблема коммуникации связывается с принципиально двойкой целью любой коммуникации, ориентированной, с одной стороны, на интеграцию и взаимопонимание, а с другой – на информационное описание предмета высказывания.

В-третьих, коммуникация рассматривается в исследовании как основанная на важнейшем эпистемологическом различении *знания/незнания*, т.е. известности некоторой информации одному участнику коммуникации и ее неизвестности другому, что только и провоцирует образование коммуникативных систем и самых разнообразных форм социальности.

В четвертых, коммуникация истолковывается как раздваивающаяся на общение когнитивное и общение нормативное и одновременно как структурно-изоморфная процессу познания, поскольку всегда предстает *рациональным выбором* (и в этом смысле - *познанием*) между субъектным и объектным истолкованием того или иного сообщения, *рациональным выбором* между интерпретацией высказывания как нацеленного на поддержание сплоченности (сообщение известного) и интерпретацией высказывания как нацеленного на сообщение о новом и неизвестном.

3. Теоретическая новизна исследования, не в последнюю очередь, связана с обоснованием тезиса, что познавательные процессы, процессы наблюдения могут осуществляться не только в рамках классической человеческой коммуникации и когнитивных процессов (индивидуального человеческого восприятия и мышления), но и способны находить выражение в «поведениях» самого разного вида: биологических систем (клетки, организмы и их органы), мозга, сознания, культуры, общества, машин и т.д. - то есть везде там, где проводятся различия между предметом тех или иных операций и самими агентами операций; там, где имеет место – пусть самое примитивное и зачаточное – познание и примитивные самоидентификации.

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждена и одобрена на заседании сектора социальной эпистемологии Института философии РАН 15 июня 2015 г.

Основные идеи исследования получили реализацию в монографиях автора: Антоновский А.Ю. Социоэпистемология. К пространственно-временным и коллективно-личностным измерениям общества. М. Канон. 2011; Антоновский А.Ю. Никлас Луман. Эпистемологическое введение в теорию коммуникативных систем. М. ИФ РАН 2007; Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания. М. ИФ РАН.

2015. Основные результаты представлены более чем на 10 Российских и международных конференциях, а также апробированы в виде курсов лекций, читаемых автором на философском факультете МГУ и философско-социологическом факультете РАНХиГС. Результаты работы над диссертацией были опубликованы более чем в 30 научных статьях, вышедших в высокорейтинговых журналах («Вопросы философии», «Эпистемология и философия науки», «Философские науки», «Вестник Московского университета», «Мониторинг общественного мнения», «Философия науки и техники» и других.)

Положения, выносимые на защиту

1. Понятия коммуникативных *медиа* и *формы* должны рассматриваться как методологические инструменты анализа познания и коммуникации и служить основаниями системно-коммуникативной теории в целом. В расширенном виде они позволяют сформулировать также начала теории психических систем (первый параграф первой главы), и в более узком виде – применяются для анализа научной коммуникации. Оба феномена (описываемые этими понятиями) в своей эволюции образуют «диалектические» переходы (второй и четвертый параграфы первой главы). Так, новые *формообразования* в рамках ранее утвердившихся медиа решают одни интеграционные проблемы, но одновременно генерируют новые конфликты и вызовы, требующих новых формообразований⁵⁵.

2. Вышеозначенная методология позволяет (1) реконструировать магистральный путь развития коммуникации: в направлении от *интеграционно-ориентированной* коммуникации к коммуникации *информационной*; (2) эксплицировать условия понимания коммуникации и как следствие этого понимания – определить эволюционирующие условия акцептации или отклонения коммуникации; (3) эта эволюция состоит в особом пути *объективации* общения: если в традиционных обществах акцептация коммуникации зависит от тех контекстных значений, которые некоторый запрос на контакт получает в *пространственно-временным* и *коллективно-личностном* измерении (т.е. зависят от непроговариваемых, но очевидных контекстов, от того, кто, где и когда осуществляет сообщение), то в современном обществе означенный контекст существенно редуцирован к предметному измерению коммуникации: к тому, о чем собственно сообщается в данной коммуникации. Однако новейшие формы и медиа коммуникации (социальные сети) разрушают и предметное единство коммуникации.

3. Коммуникация является формой познания, поскольку представляет собой *наблюдательную* (= избирательную, дискриминационную, когнитивную) активность. Всякое обсуждение предстает в виде актов выбора (= познания) темы, времени, места,

---

⁵⁵ Проиллюстрируем это положение на примере диалектики форм и медиа коммуникации. Последовательно-дигитальная форма *языка*, накладываемая на аналого-пространственный медиум человеческого восприятия, делает возможными новые формы социального контроля (распространяя его на будущие социальные состояния), но одновременно генерирует и новые конфликты в связи с принципиальной бинарностью базовой языковой формы подтверждения/отрицания, и следовательно – отклонения любого предложенного для коммуникации смысла. Письменность как новая форма коммуникации, накладываемая на медиум языка, обеспечивает новую интеграцию путем записи и трансляции через обширные пространства обязательных поведенческих норм, но генерировала новые формы не-социального поведения (например, индивидуально осуществляющегося письма и чтения).

участников коммуникации. Однако этот структурный изоморфизм коммуникации и познания претерпевает трансформации. Первоначально коммуникация выступает формой познания, поскольку представляет собой наблюдение в его самом широком смысле, а именно – одновременным процессом *обозначения/различения* (обсуждением одной темы и отклонением всех остальных предметов обсуждения). Позднее коммуникация приобретает изоморфность познанию в более узком смысле: принимает формы, совпадающие в своих основных этапах со стандартным определением (по)знания: элементы коммуникации (сообщение, информация, понимание) воспроизводят структурные элементы знания (полагание, обоснование, истинность). В последнем случае коммуникация переориентируется в своих ключевых мотивах: ориентир «*солидарного/не солидарного*» поведения меняется на ориентир «*известное мне/неизвестное другому*».

4. Коммуникация следует понимать в дименсиональном (= измерительном) контексте, т.е. определять ее в пространственно-временном, предметном, коллективно-личностном измерениях, образующих гиперпространство коммуникации. Эти измерения или горизонты коммуникации меняют свое относительное значение в процессе эволюции коммуникации.⁵⁶

5. Адекватный анализ научного знания (научных объяснений, специфичности научных законов в их отличии от акцидентальных генерализаций, как и в вопросе о критериях и оценках лучших или предпочтительных теорий и лучших понятий) осуществляется через его сопоставление с «естественной» коммуникацией, через экспликацию существа естественного понимания и его предпосылок. Следует отказаться от наивной установки, согласно которой лишь сам предмет научного интереса должен гарантировать истинность высказываний по его поводу и навязывает правильное понимание. Утверждается, что предметное измерение также и *научной* (как и всякой другой) коммуникации должно быть дополнено социальным и временным измерениями. Для этого разрабатывается *универсальное понятие понимания*, характерное как для науки, так и для других форм социальности. Таковое понимание определяется нами как процесс сравнения *фактического* и *латентного* на предмет их соответствия (или несоответствия): понимание имеет место в тех случаях, если речь идет о фиксации различия (1) явных и очевидных слов сообщения и скрытых за ними мотивов сообщающего, (2) о различении данных с очевидностью синтаксических форм и многообразия их семантик, различении означающего и означаемого, одним словом – о различии между *самореференцией* (тем, что в коммуникации относится к самому обсуждению) и *инореференцией* (т. е. тем, что в коммуникации относится к теме обсуждения, т. е. к внешнему миру коммуникации).

---

⁵⁶ Пояснение к положению. Первоначально первостепенное значение имеет автономное время (динамика) самой коммуникации (в ее устных формах). Позднее (в ее письменных формах) коммуникация приспособляется к автономной динамике предмета коммуникации. Путем *адаптации к действительным событиям и процессам* интегративно-ориентированные формы общения (предсказания, ритуалы, табу, символы, пруденции) утрачивают свою автономность и с развитием письменности и перепечатки постепенно превращаются в *описания* действительных событий и процессов. Таким образом, коммуникация приобретает *информативность*: в предметы обсуждения входит *внешняя* для коммуникации реальность (информация), в то время как само коммуникативное сообщение (интеграционный полюс, имеющий собственное значение, независимое от внешнего мира) утрачивает коммуникативное значение и интерес для участников. Тем самым коммуникация выходит за пределы (ограниченных в пространстве и времени) интеракций или фактических встреч, превращается в телекоммуникацию – трансляцию символов без движения тел коммуникантов. Как следствие, коллективно-личностное измерение утрачивает свое значение, а временное и предметное оказываются доминирующими.

6. Понимание в научной коммуникации (как и понимание во всяких иных формах и системах общения) *двояко детерминировано*. С одной стороны, понимание и взаимопонимание обеспечивается через апелляцию к свойствам объектов, которые словно принуждают к взаимному согласию по их поводу (предметное измерение научной коммуникации). С другой стороны, наука остается коммуникативной системой и всякое научное предложение (и публикация) может интерпретироваться (среди прочего) как предложение к дискуссии, как выражение интенций исследователей, как реализация их честолюбивых замыслов и стремления к научному успеху, – т. е. самореференциально (иметь своим предметом саму коммуникацию, а не ее внешний мир). Отсюда следует, что выбор теорий и их интерпретаций во многом зависит от различия ориентационных наблюдательных перспектив участников научной коммуникации. Ученые не могут прийти к взаимопониманию друг с другом уже только потому, что находятся в разных измерениях, признают «естественными» разные порядки хода вещей, метаустройства жизни. Однако фундаментальный источник их непонимания – эта обычная трудность, вызванная приверженностью различным полюсам базовых коммуникативных дистинкций (различением *я/другое, людей/вещей* и т.д.).

7. Системно-коммуникативистский подход делает возможным установления связей и различий между уровнями эмпирического наблюдения и теоретическими переменными в социальной теории. Этот перепад уровней выказывает существенные отличия от организации научного знания в развитых (физических) дисциплинах, требующих *редукции* регулярностей феноменального уровня к скрытым на микро-уровне (теоретическим) зависимостям между переменными. В социальной теории редукция к ненаблюдаемой (теоретико-гипотетической) реальности предстает дополняется реконструкцией *эмержентных* эффектов коммуникации на макроуровне.⁵⁷

Основное содержание диссертации

Диссертация состоит из двух глав, введения и заключения.

Во «Введении» предложен исторический экскурс в проблему, обоснованы ее актуальность, предложены для рассмотрения основные смыслы понятия коммуникации (повседневный, социально-теоретический, конструктивистский, информационно-вычислительный) с особым вниманием к ее эпистемологической интерпретации.

В первой главе «*Символические медиа коммуникации знания*» рассмотрены так называемые «медиа распространения» коммуникации или знания, в которые мы включили «устный язык», «письменную речь», «печать», «электронные медиа телекоммуникации». Обосновывается, что историческая специфичность типов распространения коммуникации предполагает и соответствующие различающиеся смысловые контексты коммуникации в *предметном, пространственно-временном и социальном* измерениях или контекстах коммуникации. Переход от одного типа распространения к другому изменяет условия возможности понимания сообщений и как следствие – их акцептации. Изменяется

---

⁵⁷ Пояснение к положению. На некотором микро-уровне (уровне переживания Другого) постулируется ненаблюдаемая, но лишь теоретически-полагаемая реальность – скрытое от наблюдателей человеческое сознание, которому вменяется набор гипотетических установок и мотиваций. Комбинации переменной *переживание/действие* с другой теоретической переменной *Эго/Другого* позволяет сконструировать все возможные (наблюдаемые) коммуникации современного общества: научные, хозяйственные, религиозные, политические типы коммуницирования. Связь теории и подтверждающих теорию наблюдений оказывается в этом случае наиболее экономичной (малое число переменных делает возможным широкий наблюдательный обзор). При этом комбинации теоретических переменных применяются к анализу эмерджентной реальности (гиперсистемы науки, политики, права, хозяйства), которые не могут наблюдаться непосредственно в их целостности, но всегда манифестированы в конкретных – экономических, политических и т.д. – действиях и коммуникациях.

структура коммуникативного времени, что приводит к распаду единства коммуникативного акта (сообщения – извлечения информации – понимания). Обосновано также, что различие *знающих/не-знающих* выступает осью коммуникативной дифференциации и одновременно может рассматриваться как основание для классификации разного типа (предтрадиционных, традиционных, современных) обществ.

В первом параграфе *«Понятия формы и медиа как основания теории коммуникативных и психических систем»* формулируется теоретическая методология, в основу которой положены понятия «медиа» (подход Ф. Хайдера) и «формы» (идеи Дж. Спенсера-Брауна). Рассматриваются идеи и концепции *Фрица Хайдера, Джорджа Спенсера-Брауна, Джона Смарта, Неда Блока*. Рассматривается так называемая «теория медиа восприятия», логические «законы формы» и возможности их лингвистической интерпретации. Выявляется значение понятия формы для процесса коммуникативного понимания. Анализируется значение *ментальной* формы как средства наблюдения в системах сознания. Обосновывается, что означенные понятия *формы* и *медиа* следует использовать как методологические основания теории коммуникативных и психических систем. Предложена интерпретация этих понятий с точки зрения анализа языка и сознания (в ее аналитической версии).

Во втором параграфе *«Коммуникативные медиа распространения знания – язык и письменность»* мы реконструируем одну из важнейших коммуникативных трансформаций – переход от техник распространения коммуникативного смысла (шум, свет, звук, язык, письменность и печать) к технологиям коммуникативного успеха (символическим медиа истины, власти, денег, веры). В качестве методологически важных идей привлекаются подходы *Никласа Лумана, Джорджа Герберта Мида, Романа Якобсона, Хайнца фон Ферстера, Роберта Мертона, Фредерика Барта, К. Мюллера, Жана-Поля Вернана, Георга Зиммеля, Гаральда Хаармана*. Рассматриваются заложенные в языке возможности наблюдения и познания (дигитализации, бинаризации, отрицания, рекурсивности и коннективности предложений, усложнения и редукции сложности), их роль для интеграции и дезинтеграции языкового сообщества. Рассматриваются пространственно-временные трансформации процесса понимания в связи с переходами к новым медиа распространения знания. Каждый новый символический медиум рассматривается диалектически: как, с одной стороны, решающий проблему социального порядка, связанную с принципиальной бинарностью языка, но, с другой стороны, одновременно, генерирующий новые конфликты.

В третьем параграфе *«Дистинкция знания/не-знания как ось коммуникативной дифференциации»*, в развитие идей *Никласа Лумана, Фредерика Барта, Дональда Дэвидсона, Фрица Хайдера*, рассматриваются возможности универсального определения коммуникации, которое характеризовало бы ее характер независимо от культур, эпох, этносов и страт, к которым принадлежат ее участники. В качестве такой самой общей характеристики мы предлагаем *дистинкцию знания и не-знания. На основе вывода о принципиальной амбивалентности коммуникации (ориентированности вовне или ее самообращенности) делается заключение* о двух типах вытекающей солидарности: солидарности, основанной на коллективном, *изначально известном* знании (коллективные представления, предания, топика), и солидарности, основанной на *обмене* индивидуальным знанием. В первом случае предметом интереса является поддержание солидарности за счет воспроизводства мифонаративов, традиционных установок, ритуалов, разного рода топосов или общих мест, в другом случае предметом высказывания является внешний мир в его собственных, но главное – новых и любопытных – характеристиках. Эти два типа коммуникации и основанной на ней солидарности обозначаются соответственно как *мотивационно-интеграционные и информационные* типы.

В четвертом параграфе *«Телекоммуникативные медиа современных обществ»*, опираясь на подходы *Маршала Маклюэна, Квентина Фиоры, Никласа Лумана, Джорджа*

Герберта Мида, Альфреда Шюца, Томаса Лукмана, Ле Гоффа, Юргена Хабермаса, мы обосновываем, что характерные для современности электро-телекоммуникации, не радикализуют, а напротив, сглаживают и нейтрализует тот радикальный разрыв семантической реальности и «естественной» реальности человеческого мира, осуществленный когда-то письменностью и печатью. В дифференцированном (главным образом средствами печати – денег, законов, политических памфлетов, научных публикаций) обществе *понимание становится проблемой*, поскольку коммуникативное сообщение и извлекаемая из него информация расцепляются в пространстве и времени. Обосновывается, что электронная телекоммуникация восстанавливает утраченные (посредством письма и печати) пространственно-временные координации между посылаемым сообщением (репортажем, фильмом, передачей), и ее фактическими – наблюдаемыми в пространстве и времени прототипами (действительными событиями). Симбиоз акустических и оптических сообщений восстанавливает утраченную ранее интерсубъективность, выступает гарантиями реальности содержания коммуникации. Однако и телекоммуникация привносит новые дисфункции – утрачивают свое значение традиционные коммуникативные функции: утрачивается знание о том, какую информацию мы извлекаем из (массмедийных) сообщений, утрачиваются возможности взаимовлияния коммуницирующих сторон (редакций и реципиентов сообщений), окончательно утрачивается единство коммуникативного акта, которое отныне конструируется лишь в обособленных сферах – благодаря медиа коммуникативного успеха.

Во второй главе «*Истина и знания как медиа коммуникативного успеха*» исследуется фундаментальное различие между когнитивными типами общения, ориентированными на истину (как обобщенный символический медиум коммуникативного успеха), и всем остальным – нормативно-мотивированным типом коммуникации: правом, политикой, религией и др. В отличие от последних, познание понимается как выделенный тип коммуникации, мотивированный поисками истины; его специфика заключается в том, что разочарования в ожиданиях (т.е. констатация ложности тех или иных суждений) приводят не к укреплению «поврежденной нормы», а к пересмотру утвердившихся прежде ожиданий.

В первом параграфе «*Истина как медиум коммуникативного наблюдения и его генезис из ценностных установок*» осуществляется историко-генетическое рассмотрение истины как коммуникативного медиума, происходящего из первоначально автономных и не связанных друг с другом «ценностей» *altheia* и *pseudos*. Обосновывается, что «путь развития» истины состоял в (1) синтезировании ее двусторонности (истина/ложь) из первоначально автономных ценностей (*altheia* и *pseudos*); (2) в одновременной утрате ее роли генератора сплоченности сообществ (3) ее трансформации из деятельностных императивов в обсуждение общности переживаний. Возникает коммуникативная дистинкция истина/ложь, где ложь рассматривается как рефлексивная функция кода, превращающаяся из первоначального нормативного запрета говорить неправду во вполне ожидаемое, нормальное, разрешенное состояние (заблуждение).

Во втором параграфе «*О социальности истины*» на основании идей и подходов, развиваемых в работах Жана-Поля Лаве, Эдмунда Геттиера, Никласа Лумана, Рональда Чизхолма, Альфреда Айера, Питера Клейна, Гильберта Хармана, Эрнеста Нагеля, Ричарда Братуэйта, утверждается, что социальный характер истины не снимается ее редукцией к обсуждению общности переживаний (первый параграф). В процессе анализа парадокса Геттиера («знания неизвестной истины») рассматриваются критериальные признаки понятия знания и формулируется понятие «социальности знания». Обосновывается, что социальность знания проявляется в особом, дополнительном признаке знания (в дополнение к традиционным *истинности*, *убежденности*, *обоснованности*). Этот признак требует учитывать контекст высказывания, т.е. то обстоятельство, что некоторое суждение может оказаться неверным по отношению к определенному числу ситуаций, к определенным *пространственно-временным* отрезкам и

некоторым *личностям*. Следует допустить возможность разных наблюдателей, в перспективе которых одно и то же суждение может оказаться как корректной, так и некорректной формой знания.

В третьем параграфе «*О социальности знания и возможности его определения*» исследуются способы сформулировать полное и непротиворечивое определение знания, с тем чтобы далее работать с этим понятием применительно к анализу его конкретного содержания. Рассматриваются проблемы так называемого *стандартного* (трехэлементного) понятия знания и современные подходы по его дополнению и измерению (идеи *Альфреда Шюца, Готлоба Фреге, Томаса Грундмана, Людвиг Витгенштейна, Элвина Голдмана, Элвина Плантинги, Кита ДеРоуз (Keith DeRose)* и др.). Анализируются ресурсы *нестандартного* определения знания, дополняющего его новыми признаками *надежности, достоверности, сензитивности*, не разрешающих парадокса знания.⁵⁸ Предлагается *постнестандартное* решение на основе концепции «семантического контекстуализма» и понятий «контрфактических миров». То, является ли то или иное суждение знанием, всегда зависит от того, какой список контрфактических возможных миров высказывающий или сообщество, для которого это высказывание предназначено, полагают релевантным. Наблюдатель второго порядка должен уметь различать фактическую ситуацию, в которой делается утверждение о том или ином событии, которое фактически имеет место. И возможную ситуацию, где описываемое в высказывании событие бы не имело места, а утвердительное высказывание о нем все-таки было произведено⁵⁹. Делается вывод о том, что социально-коммуникативные характеристики наблюдателя определяет его когнитивные стандарты, и как следствие – акцептацию высказываний в качестве знания⁶⁰. Утверждается, что обладание «знанием» в одной наблюдательной перспективе не противоречит утверждению об отсутствии такого знания в другой наблюдательной перспективе.

В четвертом параграфе «*Научное знание в индивидуальной и в системно-коммуникативной перспективах*» в развитие подходов и концепций *Дэвида Блура, Тренора Пинча, Стивена Фуллера, Серхио Сисмондо, Гарри Коллинза, Бруно Латтура, Никласа Лумана* анализируется бинарная наблюдательная перспектива в отношении научного знания. Последнее может рассматриваться, с одной стороны, в контексте делающего высказывание индивида (с ограниченными когнитивными возможностями, делающего высказывание), с другой стороны, как знание, оценивающееся в самом широком контексте науки в целом. Ставится проблема: как вообще возможно что-то знать, приходиться к консенсусу, если всякое (синтаксически идентичное) высказывание обнаруживает разные контексты? Является ли то, что мы признаем знанием в первом случае, таким же знанием, исходя из более «высокой» перспективы наблюдения? То, что одному наблюдателю предстает как обычная вода – жидкая и смачивающая субстанция, в перспективе комплексного и системного наблюдения имеет внутреннюю молекулярную структуру, выражающуюся соответствующей формулой, включено в другие химические соединения и т.д. и т.п. Знание в первой перспективе наблюдение предстает как *незнание* в

---

⁵⁸ Во-первых, не удавалось получить общего определения для знания достоверного и для знания вероятного. Во-вторых, определение знания вело в дурную бесконечность, и каждый из признаков знания, в свою очередь, должен был, в свою очередь, признаваться знанием, а значит, требовал аналогичных признаков. В-третьих, знание редуцировалось исключительно к знанию в узком смысле – к тому, что охватывалось пропозициональной установкой «я знаю», в то время, как иные формы презентации знаний («я чувствую, что», «я спрашиваю о том, что», «я надеюсь на то, что» и т.д.) не рассматривались как формы знаний.

⁵⁹ В этом смысле, даже если предложения веры являлись бы истинными (и Бог существовал), все-таки и в этом случае, они не являлись бы знанием в перспективе научного наблюдения. Поскольку следовало бы учитывать *контрфактическую* ситуацию, в которой Бог бы отсутствовал, но утвердительное высказывание о нем все равно было бы произведено, поскольку оно обусловлено не предметно (инореференциально), а исходя из потребностей сообщества (самореференциально).

⁶⁰ Так, «скептик» или философ, согласно когнитивным стандартам *сообщества философов*, скорее всего, будет учитывать контрфактические «возможности заблуждения» (сензитивный контекст) максимально тщательно и выбирать максимально широкий когнитивный масштаб измерения «знания». И только ему может показаться *релевантной* контрфактическая ситуация «злого демона» или «циничного естествоиспытателя».

другой перспективе, а из противоречия следует все, что угодно, или, говоря словами П. Фейерабенда, *anything goes*.

В этой связи анализируется решение данной проблемы в рамках доктрины STS, в которой *совмещаются* означенные альтернативные возможности представления научного знания. Адепты STS требуют выхода за пределы исключительно *однолинейной* (научной, предметно-ориентированной или экспертной) презентации знания, пытаются координировать наблюдения ученых с когнитивными возможностями и интересами тех, кто этим знанием в конечном итоге пользуется. Конфликт между требованием публичных демократических решений и элитарным характером научной экспертизы должен был, по мнению представителей STS, решаться через демократизацию экспертизы, через «нормативный» публичный и политический контроль над изготовлением научного знания, над «когнитивными» установками ученых.

В качестве ответа на этот «нормативный» пересмотр принципов научного наблюдения может быть рассмотрена Акторно-Сетевая Теория, словно защищающая знание от нормативного контроля со стороны внешних для науки общественных инстанций путем введение туда новых «*нечеловеческих*» игроков или агентов. Задача виделась в том, чтобы обосновать знание так, чтобы оно, во-первых, не зависело бы от индивидуальных (а значит, локальных, случайных, контингентных) перспектив наблюдателя и, во-вторых, не зависело бы и от замкнутой в себе корпорации ученых, не способных и не желающих выставлять свои достижения на публичный и открытый нормативный суд. Делается вывод, что акторно-сетевой подход позволяет сохранить автономию науки, фиксируя, с одной стороны, ее «собственные вектора», а с другой стороны, «давая слово» сами реальным объектам, которые *в некоторые узловые моменты* выступают *стабилизатором знания*, ограничивает его от случайности и избавляет его от парадокса «*anything goes*».

В пятом параграфе «*О понимании в расходящихся перспективах научного наблюдения*» в контексте исследований *Карла Гемпеля, Имре Лакатоса, Пола Фейерабенда, Питера Ахинстейна, Уилфреда Селларса, Нельсона Гудмена, Генриха Риккертта, Стивена Тулмина, Герберта Фейгля, Израеля Шеффлера* ставится вопрос о том, возможно ли рассматривать научные исследования как обычную коммуникацию обычных людей, каковыми, безусловно, остаются ученые. Ведь всякое новое научное достижение является некоторым знанием, но и некоторым запросом на контакт, предложением общения, приглашением к дискуссии, требует проверки другими исследователями, а значит, – и продолжения общения и образования коммуникативной системы. Если же исходить из – выше заявленного – различия наблюдательных перспектив и различий в средствах (медиа) наблюдения, то возникает проблема: как согласовать такие расходящиеся перспективы? Есть ли нечто общее в дивергирующих смыслах, атрибутируемых научным понятиям (неизменной массе Ньютона, и зависящей от скорости массы Эйнштейна)?

Выдвигается тезис о том, что при анализе научного знания (научных объяснений, специфичности научных законов в их отличие от акцидентальных генерализаций, как и в вопросе о критериях и оценках лучших или предпочтительных теорий и лучших понятий) должен быть предварительно осуществлен анализ «естественной» коммуникации и, прежде всего, анализ процесса естественного понимания, а также тех повседневных установок, которые обеспечивают это понимание, включая сюда особые средства коммуникативных (повседневных) подтверждений и убеждений.

Лишь такой анализ «естественных идеалов хода вещей» дает ключ к анализу научного знания, в отношении которого пора отказаться от наивной установки, согласно которой сам предмет способен продемонстрировать истинность высказываний по его поводу и принудить наблюдателя сформулировать правильное понимание. Утверждается, что предметное измерение научной коммуникации должно быть дополнено социальным измерением, а также временным.

Разрабатывается универсальное понятие понимания, характерное как для науки, так и

для других форм общения. Понимание – это сравнение *фактического* и *латентного* на предмет их соответствия (или несоответствия). Мы говорим о понимании в тех случаях, если речь идет о фиксации различия (1) явных и очевидных слов сообщения и кроющихся за ними мотивов сообщаемого, (2) о различении данных с очевидностью синтаксических форм и многообразия их семантик, различении означающего и означаемого, одним словом – о различии между самореференцией (тем, что в коммуникации относится к самому обсуждению) и инореференцией (т. е. тем, что в коммуникации относится к теме обсуждения, т. е. к внешнему миру коммуникации). В аналогичной логике рассматривается и универсальное понятие научного и общекommunikативного типов объяснения путем редукции к разного рода регулярностям или закономерностям. В этом контексте научного объяснения рассматривается проблема эмпирического подтверждения научных законов и различения между подлинно-научными законами (как последними объяснениями реальности) и так называемыми «акцидентальными генерализациями».

Делается вывод о том, что подлинность научных генерализаций удостоверяется их своей контрфактичностью, т.е. тем обстоятельством, что в некоторых случаях они могут быть почти лишены конкретных (содержательных) пространственно-временных референций. Напротив, псевдонаучные (случайно-истинные) генерализации чаще всего указывают на конкретные и уникальные регионы пространства и времени («Все мужчины в этой комнате – третьи сыновья»), хотя и научные законы зачастую выказывают свойства и акцидентальных генерализаций⁶¹. В этом смысле и естественнонаучные теоретические описания, и описания самых разных форм повседневности и социальности, и исторические описания могут быть в равной мере и обобщающими (номотетическими), и уникальными (идеографическими).

Делается вывод, что понимание в научной коммуникации (как и понимание во всяких иных формах и системах общения) двояко детерминировано. С одной стороны, понимание и взаимопонимание обеспечивается через апелляцию к свойствам объектов, которые как бы принуждают к взаимному согласию по их поводу (предметное измерение научной коммуникации). С другой стороны, наука остается коммуникативной системой и всякое научное предложение (и публикация) может интерпретироваться (среди прочего) как предложение к дискуссии, как выражение интенций исследователей, как реализация их честолюбивых замыслов и стремления к научному успеху, – т. е. самореференциально (иметь своим предметом саму коммуникацию, а не ее внешний мир).

Делается вывод, что выбор теорий и их интерпретаций во многом зависит от различия наблюдательных перспектив. Именно такие различия обуславливают взаимное непонимание. Ученые не могут прийти к взаимопониманию друг с другом уже только потому, что находятся в разных измерениях, признают «естественными» разные порядки, метаустройства жизни. Однако фундаментальный источник их непонимания – эта обычная трудность, вызванная приверженностью различным полюсам базовых коммуникативных дистрикций (различением *я/другое, людей/вещей* и т.д.). Но насколько непреодолимыми является такого рода разрывы? Обосновывается, что поиск условий взаимопонимания ученых должен сосредотачиваться на уровне теорий среднего уровня или на уровне конкретных законов. Ведь именно такие конкретные законы обладают большей «продолжительностью жизни», не меняются, несмотря на то, что теряют популярность и сторонников «всеохватывающиеся теории» и парадигмы.

В шестом параграфе «*О теоретической форме социального знания*», опираясь на системно-коммуникативный и социоэпистемологический подход (предполагающий две референции в теории коммуникации: знание и общество), мы рассматриваем общее и различное в теоретических формах естественнонаучного и социального типов знания. Первая теоретическая форма знания анализируется на основании идей и подходов *Пьера Дюгема, Уильяма Хьюэлла, Джона Гершеля, Нормана Кэмпбелла, Карла Гемпеля, Мэри Хессе, Эрнста Нагеля*; вторая форма теоретического знания анализируется в контексте

⁶¹ Так, законы Кеплера описывают конкретные формы движения по конкретным орбитам планет вокруг Солнца

концепций *Людвига фон Берталанфи, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, К.Х. Момдзяна, Вильгельма Виндельбанда, Толлкота Парсонса, Никласа Лумана, Джона Коулмана.*

Означенные полюса требуют от нас экспликации социального содержания в процессах научного познания, коммуникативных элементов в структуре знания, выделения тех ограничений, которые накладываются на познание со стороны различных видов нормативности (консенсуса, социального контроля и т.д.) Однако такая биполярность коммуникативной теории предполагает и симметричную возможность применять познавательные процедуры, утвердившиеся в развитых формах познания, к анализу самой коммуникации. В этой связи в параграфе ставится проблема: способна ли социальная или коммуникативная теория выказывать инвариантные или универсальные формы (свойственные также и естествознанию), или же она обладает неким неустранимым своеобразием как в отношении предмета исследований, так и в отношении методов?

Структура естествознания предполагает методологический *редукционизм*, в самых общих чертах последний утверждающий, что внутренняя структура того или иного объекта или явления, описываемая теоретически, конституирует и дает *причинное* объяснение наблюдаемым макрофеноменам, определяет макро-характеристики этих объектов. Социальные теоретики, напротив, склонны связывать с базисным (причинным и объяснительным) уровнем утверждений некоторые *макроструктуры* (социальные системы политики, экономики, религии). Делаются выводы о характере связи ненаблюдаемого (теоретического) и экспериментального (наблюдаемого) уровней в естествознании. Эту связь мы затем сравниваем с аналогичным различием уровней в рамках социальной теории. В этой связи поставлены проблемы: какой характер отношений реализуется между уровнями наблюдения и переменными в социальной теории? Воспроизводят ли они означенную выше инвариантную структуру научного знания или выказывают специфичность? Как иерархизирована социальная теория в том, что касается соотношения наблюдаемых и ненаблюдаемых (теоретических) уровней анализа? И является ли общество, его состояния и проявления ненаблюдаемыми коррелятами теоретического описания? Формулируется гипотеза о том, что наблюдать общество приходится исключительно по его наблюдаемым следствиям или эффектам, в то время как само оно, как конкретный пространственно-временной объект, ускользает от наблюдения. В связи с этой гипотезой ставится и рассматривается проблема *социальной каузации* и их обобщений в *социальных законах*.

Обосновывается вывод, что *в мире самом по себе нет однозначно определенного разделения на внутренние и внешние детерминации или каузации без учета наблюдательных перспектив того или иного наблюдателя.* Закономерности поэтому приходится искать не в самих каузациях, а в типичном приписывании (или распределении) причин; что общество не может быть рассмотрено как закрытая физическая система с однонаправленными детерминациями от причины к следствию. Общество устроено кибернетически, т.е. некоторым круговым образом, на основе позитивных и негативных обратных связей – противоположных, но равноправных в своих причинно-следственных статусах, энергетических и информационных потоков; что социальные регулярности, в отличие от классических законов естествознания, не являются *контр-фактическими*, ведь они зависят от того, что *фактические* имеет место в данном пространстве и данном времени.⁶²

Невозможность явного различения уровня теоретических (номотетических) законов общества и фактических эмпирико-феноменальных описаний социальных процессов ставит проблему установления связи ненаблюдаемого макроуровня и наглядного, эмпирически фиксируемого микро-уровня (уровня конкретных действий и

⁶² Так, протестантская этика необходимо породила капитализм (Макс Вебер), являясь ограничителем возможностей развития хозяйства, но только при данных условиях, в данном регионе и данную эпоху. Эта связь является причинно-следственной, истинной, но при этом – акцидентально-истинной.

коммуникаций). Рассматриваются попытки разрешить эту проблему в рамках неоутилитаристского (М. Вебер, Дж. Коулман), функционалистского (Т. Парсонс), коммуникативистского (Н. Луман) подходов к построению социальной теории.

Обосновывается вывод о необходимости использования системно-коммуникативистского подхода к формулированию социальных законов, предполагающего классическое понимание организации научного знания, свойственному развитым (физическим) теориям. На микро-уровне (уровне переживания Другого) постулируются ненаблюдаемая, но лишь теоретически-полагаемая реальность – скрытое от наблюдателей человеческое сознание, которому вменяются набор гипотетических установок и мотиваций. Комбинации переменной *переживание/действие* с другой теоретической переменной *Эго/Другого* позволяет сконструировать все возможные (и фактически наблюдаемые) коммуникации современного общества. Связь теории и подтверждающих теорию наблюдений оказывается в этом случае наиболее экономичной (малое число переменных делает возможным широкий наблюдательный обзор).

В *Заключении* подводятся итоги исследования, воспроизводятся основные выводы, предлагаются новые исследовательские перспективы на основе полученных результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе анализа теоретико-познавательных свойств коммуникации мы рассмотрели подходы теории коммуникативных и социальных систем, прежде всего, понятия коммуникативных медиа и формы как методологических оснований социальной философии науки. Особое значение в этой связи предавалось так называемым медиа распространения коммуникации: языку, письменности, печатным и электронным и социально-сетевым средствам коммуникации. Этот анализ позволил сформулировать эпистемологические следствия из теории коммуникации и прийти к утверждению о том, что дистинкция знания и незнания образует ось коммуникативной дифференциации как в традиционных, так и современных обществах. Используя системно-коммуникативную методологию мы обратились далее к генезису коммуникативного медиа истины, специфичности научной системы коммуникации, роли коммуникативного понимания и объяснения в рамках данного типа коммуникации, и социальных каузаций в структуре научного знания. При этом особое внимание мы уделили исследованию теоретической формы социального знания, которую мы охарактеризовали при помощи понятия *эмпердженцизма*, отличая его от *редукционизма* естественнонаучных дисциплин.

Используя коммуникативный подход к анализу структуры научного знания, мы также остановились на конкретном вопросе о том, возможно ли рассматривать научные исследования как обычную коммуникацию обычных людей, каковыми, безусловно, остаются ученые. Ведь всякое новое научное достижение некоторым знанием, но и некоторым запросом на контакт, предложением общения, приглашением к дискуссии, требует проверки другими исследователями, а значит, – и продолжения общения и образования коммуникативной системы.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ИЗ СПИСКА ВАК ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ

1. Антоновский А.Ю. Социальная философия знания: о знании в индивидуальной и в системно-коммуникативной перспективах // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 52-57.

2. Антоновский А.Ю. Коммуникация как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. 2016. № 1. С. 5-25.
3. Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 45-57.
4. Антоновский А.Ю. Возможен ли аномальный социомонизм? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 3. С. 34 – 41.
5. Антоновский А.Ю. Существует ли мир без наблюдателя? // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 26-33.
6. Антоновский А.Ю. О ценности истины и ее генезисе // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 3. С. 46-54.
7. Антоновский А.Ю., Момджян К.Х., Кржевов В.С. О междисциплинарности антропологических исследований // Философские науки. 2014. № 11. С. 139-140.
8. Антоновский А.Ю. Человек познающий. *Знание/незнание* как универсальная дистинкция и ось социальной дифференциации // Философские науки. 2014. № 11. С. 144-149.
9. Антоновский А.Ю. Общество как теоретический объект. Эмерджентизм социальной теории vs. редукционизм естественных наук. // Философия науки и техники. 2014. Т. 19. № 1. С. 80-100.
10. Антоновский А.Ю. Информационные и интеграционные социальные технологии // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 15-19.
11. Антоновский А.Ю. Коллективная рациональность: социальный обмен или дифференциация? // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 57-74.
12. Антоновский А.Ю. Мир единства и трансцендентальность фантазии // Философско-литературный журнал Логос. 2013. № 3 (93). С. 187-192.
13. Антоновский А.Ю. Пространство, время и социоэпистемический тезис Джорджа Герберта Мида // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. № 1. С. 200-211.
14. Антоновский А.Ю. От интеграции к информации. к коммуникативным трансформациям в российской нации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 4-12.
15. Антоновский А.Ю. Как существует человек и как существуют события // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 32. № 2. С. 83-85.
16. Антоновский А.Ю. Коммуникация и понимание: возможности и разрывы // Философия науки и техники. 2012. Т. 17. № 1. С. 174-189.
17. Антоновский А.Ю., Емелин В.А. Инфообщество и технология адаптации к его структурам // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31. № 1. С. 90-107.

18. Антоновский А.Ю. Этнос как медиум коммуникации: к системно-коммуникативной концептуализации этноса // *Личность. Культура. Общество*. 2011. Т. XIII. № 4 (67-68). С. 84-89.
19. Антоновский А.Ю. От Его и Другого к сообщению информации // *Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. 27. № 1. С. 79-83.
20. Антоновский А.Ю. К проблеме медиатехнизации наблюдений в естественных и гуманитарных науках // *Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. 30. № 4. С. 73-78.
21. Антоновский А.Ю. Новейшие труды в немецкоязычной теории познания // *Эпистемология и философия науки*. 2011. Т. 29. № 3. С. 248-250.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М. 2015. 175 С.
2. *Антоновский А.Ю.* Социоэпистемология: о пространственно-временных и коллективно-личностных измерениях общества. М. Канон+РООИ «Реабилитация». 2011. 400 С.
3. *Антоновский А.Ю.* Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М. 2007. М. 170 С.
4. *Антоновский А.Ю., Куслий П.С., Вострикова Е.В., Никифоров А.Л.* Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ. Под редакцией А.Ю. Антоновского, А.Л. Никифорова. ИФ РАН, 2013.
5. *Антоновский А.Ю., Куслий П.С., Вострикова Е.В., Моркина Ю.С.* Эпистемология в 21 веке. Обзоры, рецензии, справочные материалы. Под ред. А.Ю. Антоновского. М.: ИФ РАН. 2012.